

ХРОНИКА

**РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ
В НАУЧНОМ СТУДЕНЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ ПРИ СВЕРДЛОВСКОМ
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ**

В Историческом кружке Научного студенческого общества при Свердловском педагогическом институте большое внимание уделяется изучению истории Византии. В кружке был заслушан ряд докладов о новых работах по истории Византии. Из них четыре были представлены на общегородском смотре студенческих работ.

В докладе „Положение рабов в Византии в X веке“ Е. С. Чечетин использовал имеющуюся на русском языке литературу и, основываясь главным образом на „Книге эпарха“, пришел к выводу о существовании рабовладельческого уклада в Византии в X в.

В работе И. М. Поповой „Народные движения в Константинополе при Андронике Комнине“ рассмотрен вопрос об отношении народных масс к переходу торговли в руки иностранцев. Автор показал, что народные массы вступили в беспощадную борьбу против иноземных эксплуататоров. Однако Андроник Комнин, воспользовавшись выступлением масс для захвата власти, фактически не поддерживал в дальнейшем этой борьбы. В продолжение последующего периода правления Андроника активности масс не чувствуется, и в критический момент массы его не поддержали.

А. Волкова представила работу „Византийский историк Анна Комнина“. Автора заинтересовала личность и труд первой женщины-историка, выступившей с более или менее крупным историческим трудом. Автор полемизирует с зарубежными историками, которые видят в Анне Комнинной представительницу гуманизма. Гуманизм выдвигает светский элемент в противовес духовному. Анна Комнина, наоборот, в своем отношении к Италиу стремится подавить свободное исследование церковной догмой. Автор считает Анну Комнину типичным историком феодального периода: ее внимание сосредоточено главным образом на крупных феодалах, тогда как вопросы торговли и городского населения Анна Комнина не занимается.

В. Коркин представил работу „Салическая правда и Земледельческий закон

(в сравнительном изучении)“. Автор изучил имеющуюся литературу на русском языке и, в свете труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, сделал попытку определить то общее в условиях и обстановке, что можно отметить при сличении текста „Земледельческого закона“ и „Салической правды“; автор указывает также на ту разницу, которая имеется в этих документах. Новые производственные отношения отмечаются как в „Салической правде“, так и в „Земледельческом законе“. Но элементы надстройки в „Земледельческом законе“ — в феодализирующейся Византии элементы политические и культурные не были уничтожены и разгромлены, но приспособлялись к новым условиям.

В. М. Кривошеева

**ЗАЩИТА
ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
Н. П. СОКОЛОВЫМ „ОБРАЗОВАНИЕ
И ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ДЕРЖАВЫ“ В ЛЕНИНГРАДСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

14 января 1954 г. на заседании Ученого совета Исторического факультета Ленинградского Государственного ордена В. И. Ленина университета им. А. А. Жданова состоялась защита докторской диссертации Н. П. Соколовым на тему „Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы“.¹ Обширное исследование, ставящее ряд важных и для истории Италии, и для истории северо-восточного Средиземноморья проблем, вызвало оживленный диспут при защите.

¹ Отдельные разделы работы опубликованы: „К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов“ (Виз. вр., т. V, 1952), „Венецианская доля в византийском наследстве“ (Виз. вр., т. VI, 1953), „Восточная политика венецианской плутократии в XII в.“ (Уч. записки Горьк. Гос. унив., вып. 18, 1950), „Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником“ (Научные труды Исторического факультета Горьк. Гос. пед. инст., 1950).

Официальный оппонент проф. И. И. Любименко охарактеризовала диссертацию как весьма обстоятельное и серьезное исследование, в котором автор показывает борьбу Венеции против арабов, ее попытки покорения истрийских и далматинских славян, столкновения с Венгрией, участие Венеции в крестовых походах и проникновение ее в Византию, отношения Венеции с империей, папством, Сицилийским королевством, а также с итальянскими городами. Подробно рассмотрено положение венецианцев в Константинополе, их политика по отношению к мусульманскому Востоку. Многие вопросы получили в исследовании Н. П. Соколова новое освещение и разрешение. Автор справедливо опровергает попытки некоторых историков модернизировать историю Венеции. Он убедительно показывает, что огромные денежные средства, получаемые венецианскими купцами, вкладывались ими отнюдь не в капиталистические предприятия, а в конечном счете в феодальные земельные владения. Вполне обоснованно Н. П. Соколов критикует утверждения буржуазных историков, будто Венеция не извлекала материальных выгод из своих колоний, а наоборот тратилась на них. Хорошо показана финансовая зависимость от Венеции как крестоносцев, так и византийских императоров. Страницы, посвященные венецианско-генуэзской борьбе на Черном море, представляют особый интерес для советского читателя. Однако об основных причинах столкновений Венеции и Генуи сказано мало. Недостаточно мотивировано положение о том, что итальянцы не могли иметь регулярных торговых связей с северным побережьем Черного моря до появления латинян в Константинополе. Автора можно упрекнуть в недостаточном внимании ко внутренней истории. Ряд вопросов — о характере ремесла и торговли Венеции, о взаимоотношениях купцов и феодалов и другие — получил скупое освещение. В целом же диссертация является интересным исследованием, в котором дан методологически правильный, а потому приводящий к ценным новым выводам анализ широко поставленной проблемы.

Официальный оппонент член-корреспондент АН СССР, проф. Н. В. Пигулевская отметила, что исследование Н. П. Соколова восполняет пробел в советской историографии. Критически относясь к используемым источникам и литературе, автор противопоставляет неверным положениям буржуазных ученых марксистские положения, вскрывающие действительное содержание основных явлений изучаемого им периода. Он опровергает распространенное в буржуазной исторической литературе мнение о том, что Венеция уже в XI—XIII вв. была капиталистической, убедительно показывая, что здесь имело место товарное производство, но никак

не капиталистическое, а венецианская знать не являлась буржуазией. Жаль, однако, что автор не развил свою аргументацию. Мало места в работе уделено народным движениям. Рассматривая политику Венеции на западном побережье Балканского полуострова, Н. П. Соколов недостаточно выделяет значение славянского элемента в этих областях, хотя в диссертации для этого имеется материал. Нельзя согласиться с автором, когда он называет Венецию „колониальной империей“ — в этом названии есть известная модернизация. Недостатки этого, в целом весьма серьезного и интересного труда, говорит Н. В. Пигулевская, проистекают из того, что для исследования взят слишком большой хронологический отрезок; это помешало автору рассмотреть ряд существенных вопросов.

Официальный оппонент проф. М. В. Левченко остановился на тех разделах работы, в которых рассматриваются вопросы взаимоотношений Венеции и Византии. По его мнению, диссертация Н. П. Соколова вносит ценный вклад в советское византиноведение. Автор разрушил ошибочные представления буржуазных историков о доле Венеции при разделе Византийской империи, которые смешивали „бумажные“ права Венеции с ее действительными приобретениями в результате IV крестового похода. При общей убедительности выводов автора ряд его положений в этой части вызывает возражения. Без достаточных оснований признано ошибочным мнение о том, что ряд островов Эгейского моря был после IV крестового похода отдан в лен венецианским нобилем. Несколькими преувеличены успехи Никейской империи при Михаиле Палеологе в отвоевании земель у латинян. Ряд вопросов истории отношений Венеции и Византии получил в работе новое освещение. Н. П. Соколов, например, убедительно показывает, что настоящего примирения Мануила Комнина с византийцами не произошло, что венецианцев не было в Константинополе в 1182 г. во время изгнания там латинян. Автор вскрыл ошибочность представлений буржуазной историографии (М. М. Ковалевский, Ф. Брун) о развитии торговли Генуи и Венеции на Черном море в XI—XII вв. и убедительно доказал, что до IV крестового похода Византия никому не уступала своих позиций в бассейне Черного моря. М. В. Левченко считает правильным утверждение диссертанта о феодальном характере Венецианской державы. Но следовало бы поставить вопрос, подготовило ли товарное производство Венеции XIII в. некоторые условия для капиталистического производства, и если подготовило, то какие. В работе не выяснено, как обстояло дело с наличием рабочего, „свободного“ и от ограничений в продаже

своей рабочей силы, и от средств производства. Недостаточно освещены и вопросы о развитии банковского дела, о государственных займах Венеции и т. п. Нужно было остановиться на фактах накопления крупных денежных средств у отдельных лиц, которое производилось в Венеции большей частью внеэкономическим путем (достаточно вспомнить, какие громадные ценности приобрела Венеция в результате IV крестового похода). Рассмотрение колониальных проблем Венеции, указывает М. В. Левченко, неизбежно приводит к изучению вопросов истории Византии, балканских славян, нашего Отечества. Это еще раз подчеркивает актуальность проблем, поставленных автором. Следует приветствовать появление марксистского труда, основанного на изучении огромного количества источников и литературы, который восполняет крупный пробел в советской науке.

В. И. Рутенбург отметил, что Н. П. Соколов приводит обильный фактический материал относительно развития промышленности, и его общая характеристика цехов как феодальной организации не вызывает сомнений. Но остается неясным, в каком направлении шло развитие промышленности. Между тем, в Венеции рано развивается производство шелковых тканей, знаменитого венецианского стекла, судостроение, добыча соли, обработка сельскохозяйственных продуктов и т. п. В Венеции XIII в., по мнению оппонента, не было мануфактуры, но были все ее элементы — и в судостроении, и в стеклодувном производстве, и в сукноделии. Недостаточно сказать, что в Венеции был феодализм, а не капитализм. Венеция — это не типично феодальный город, он развивался своеобразно, что и определяло специфику всей Венецианской колониальной державы. В. И. Рутенбург считает, что в работе нужно также поставить вопрос, почему в обстановке общего упадка итальянских государств Венеция сохранила свое могущество и в XVI—XVII вв., только в XVIII в. утратив свои обширные владения. Дело, очевидно, опять же в том, что это была „специфическая феодальная держава“.

М. А. Коган также считает, что в диссертации недостаточно ясно поставлен вопрос о характере производства в Венеции XIII в. и о тех изменениях в нем, которые происходят на рубеже XIII—XIV вв. Хотя конец XIII и XIV век выходит за рамки исследования, желательно было бы внести ясность в этот вопрос, являющийся в настоящее время дискуссионным в советской исторической науке. Далее М. А. Коган останавливается на некоторых вопросах терминологии.

В заключительном слове Н. П. Соколов признал основательность ряда замечаний оппонентов и ответил на некоторые возражения. По его мнению, подготовка некоторых условий для развития капитализма заключалась в Венеции XIII в. во все большем развитии товарного производства, и Венеция в этом отношении ничем не отличалась от других городов Европы того времени. Основной задачей работы было изучить процесс становления Венецианской державы, и поэтому те моменты внутренней истории Венеции, которые прямо не объясняют этот процесс, были вне центра внимания. Однако и оппоненты не могут привести данных, которые бы свидетельствовали о зачатках капитализма в венецианской промышленности: и кораблестроение, и производство стекла были организованы в форме типичного цехового ремесла. Неверно, подчеркивает Н. П. Соколов, что в венецианском арсенале работали наемные рабочие; работу там вели те же цеховые мастера со своими подмастерьями и учениками. Типично цеховой была регламентация производства во времени, материалах и т. п. То, что в XVI в. Венеция все еще играет крупную политическую роль, хотя ее торговле были нанесены тяжелые удары, Н. П. Соколов объясняет значительным развитием в Венеции цеховой промышленности; существующее представление о том, что мощь Венецианского государства была основана только на торговле, неверно. Однако правящая олигархия и в дальнейшем упорно цеплялась за цеховые формы производства, искусственно препятствуя развитию капитализма. Отсюда прогрессирующее ослабление и упадок Венеции. О народных движениях в Венеции, признает диссертант, действительно говорится кратко. Но в работе не оставлено без внимания ни одного известия источников по этому поводу и краткость обусловлена скудостью источников. Что касается славянского вопроса, указывает Н. П. Соколов, то ему посвящена специальная глава, где подчеркнуто, что Задар — славянский город и что в Далмации Венеция опиралась на романизированные элементы и, в особенности, на духовенство, но было бы неверно изображать борьбу Задара и других славянских городов против Венеции как борьбу национальную, так как она таковой не была, будучи вызвана эгоистической экономической политикой Венеции. Едва ли основателем, по мнению диссертанта, и упрек в малом внимании к борьбе Венеции и Генуи на Черном море. Эта борьба развернулась только со второй половины XIII в. и приняла острые формы в XIV в., т. е. выходит за хронологические рамки исследования, которое заканчивается 1268 г.¹

В. А. Якубский

¹ Ученый совет Ленинградского университета постановил присудить Н. П. Соколову ученую степень доктора исторических наук.